

Так уж исстари повелось, что Санта-Клаус возникает в свое урочное время заметно приободренным и решительным.

Он вновь дает понять, что за весну, лето и осень прекрасно отдохнул, а сейчас готов не только веселить публику и упражняться в оригинальных поздравлениях, но и баловать ее кое-чем существенным. Хотя пришелец со своим толстым мешком шумно суетится, всем становится ясно: прибывший гость — не какой-то простой массовик-затейник, а серьезный дядя-иностранец, по всей видимости, взаправду щедрый и энергичный. По живучим слухам, персонаж он состоятельный. Где-то в районе Северного полюса у него будто бы имеются неистощимые кладовые разнообраз-

ных подарков. Кому-то даже повезло ущучить из их обширного списка шикарную иномарку. Но это, правда, под вопросом, поскольку об этой сенсации сам дедок только один раз рассказывал какому-то безработному на Манхэттене.

Как бы то ни было, своей славой Санта-Клаус готов потягаться с кем угодно. В прошлом о нем сложено столько красивых легенд и трогательных рождественских историй, что кое-где он давно превратился в конкретного великана и красавца, которому подвластны стихии и которого преданно любят земные и инопланетные существа. По известным одному ему адресам человеколюбивый и сказочно богатый дедуля раскатывает на своем волшебном возке, запряженном четвер-

кой резвых оленей (а то и восьмеркой!) с ужасно ветвистыми рогами и мощными копытами, чтобы одаривать доверчивую международную ребятню ослепительно сверкающими игрушками и желанными обновками.

Конечно, все это вместе взятое — вечная обольстительная сага, знакомый миф, которым Большая Реклама стремится будоражить воображение потребительского мира. Но что правда, то правда — наш герой обожает всем нравиться. Ему все равно, на каком континенте радовать и восхищать молодое поколение неожиданными подношениями. Уж такой это широкий чудодей — космополит, беспощадный конкурент всех местных и региональных доброхотов, какие бы имена в Азии или в Африке они ни носили. Популярность этой фигуры, между прочим, возбуждает вопросы: откуда взялся этот легендарный симпатяга, регулярно выскакивающий в начале зимы на подмостки телестудий со своими любезными улыбками и лихими повадками неисправимого благодетеля?

Воспитанные нашими тактичными Дедами Морозами и Снегурочками, старавшимися угождать нам приятными лакомствами и завлекательными зрелищами, а то и — по-крупному — солидными движимостями и недвижимостями, мы тем не менее время от времени интересуемся биографией собрата нашего знаменитого красноногого дедушки. Как выясняется, специалисты по таким досье тоже не сидят сложа руки и в последнее время нарыли кое-что новенькое.

Старое-престарое и оттого почти забытое предание гласило: в одном из недалёких государств, а скорее всего, в турецкой провинции Каппадокии, где обосновалась колония гонимых за приверженность к новой христианской вере, в одной добропорядочной семье случилась драма. Ее глава и опора, крепкий труженик, вдруг взял и разорился. Вместе с ним впали в нищету и три ни в чем не повинные его дочери — по возрасту почти невесты. Узнав об этом прискорбном факте, местный епископ Николай совершает благородный поступок — берет и подбрасывает в избу бедняков через дымоход три кошелька с золотыми монетами.

По воле случая попали они в чулки и башмаки, оставленные сушиться у очага. Вот отсюда пошел обычай у европейских барышень и пацанов выставлять у порога свою обувь и вешать у изголовья свои носочки. Куда — смекаете? — некто заботливый мог запросто положить ожидаемый подарочек...

Поскольку главным заступником простых и часто неудачливых тружеников был святой Николай, его имя стало бурно трансформироваться в

имя святого Николая — невидимки-волшебника, на забывающего присматривать за обделенными судьбой. Николай-угодник издавна считался самым народным и почитаемым святым на Руси. Так как святой Николай был покровителем моряков, его роль в жизни их семей определилась сразу и однозначно. Каждое благополучное возвращение из плавания приносило подарки детям. Само собой, оно превращалось в детский праздник! Уже в позднем Средневековье в портовых городах Северной Европы в день святого Николая (6 декабря по юлианскому стилю) школяры даже не ходили на учебу.

Вот тогда-то повсюду стали четко обозначаться грани возникшего праздничного дня в честь мудрого и доброго святого. Это был святой Николаус в Германии, святой Клаас в Голландии, святой Клаус в Англии. В образе старика с пышной белой бородой и в шубе уникальный персонаж ездил по улицам на белом коне или ослике с мешком за спиной. Со временем его визиты переместились на 25 декабря, на Рождество. В этот день в ряде европейских стран как раз начинался Новый год.

Добряк-дед тут же получил «рождественское» имя: Пер Ноэль во Франции, Бабо Натале в Италии, Юлеманд в Норвегии и т. д. Пришел обычай встречать Рождество с добрым Дедушкой Морозом в Россию.

Появление Санта-Клауса в Америке, считают, произошло в XVIII веке с голландцами, которые основали на восточной окраине континента город Нью-Амстердам, превратившийся впоследствии в Нью-Йорк. Популярный в местных городских кругах святой возникал в нем в новогоднюю пору на лошадке, на голове его была широкополая шляпа, во рту — трубка с длинным мундштуком. В стихах поэта К. К. Мура в начале XIX столетия подчеркивались новые выразительные черты облика нашего героя. Подобно сказочному персонажу немецкого фольклора, он теперь был облачен в меховой наряд, делающий его этаким «мохнатым» существом.

Все эти разрозненные части словесного портрета словно ждали своего художника. И он явился, молодой — от роду 22 лет — Томас Наст! Маэстро родился в небольшом баварском городке Ландау в семье тромбониста военного оркестра. Из-за размолвки с начальством отец почел за благо переселиться из Германии в Америку. Его одаренный сын рано проявил себя на творческом поприще. Сначала он рисует для газет, заменяя своими оперативными набросками опаздывающих в газетное дело фотографов. В 1859 году его охотно берет на работу журнал «Харперс уикли»,

HARPER'S WEEKLY

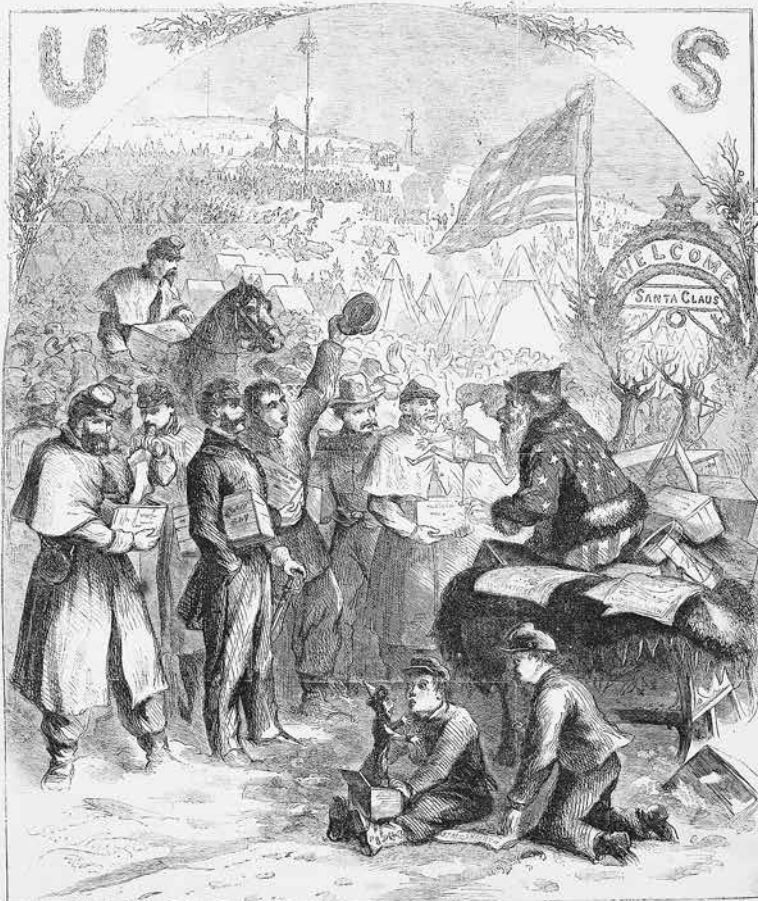
A JOURNAL OF CIVILIZATION

Vol. VII.—No. 314.]

NEW YORK, SATURDAY, JANUARY 3, 1863.

[SINGLE COPIES SIX CENTS.
\$2 50 PER YEAR IN ADVANCE.]

Entered according to Act of Congress, in the Year 1857, by Harper & Brothers, in the Clerk's Office of the District Court for the Southern District of New York.

SANTA CLAUS IN CAMP.—[See Page 6.]

сам президент Линкольн. Генерал Грант, побеждающий на выборах, приписывает свой успех «карандашу Томаса Наста». В первую мирную пору Наст вводит в обиход фигуру осла как символа демократической партии и слона как партии республиканцев.

Разве удивительно, что, начиная с 1862 года, и образ Санта-Клауса, рожденный Настом, становится чрезвычайно популярным у американцев? Художник сделал несколько десятков рисунков на рождественские темы, которые стали безумно востребованными. Характерно, что он, не больно-то щадивший своих собственных интриганов и коррупционеров, с удовольствием развивал в своих работах мотивы общественного примирения, проявления в общественных делах доброй воли. Художник словно хотел дополнить ту долю творческого удовлетворения, которой лишила его работа в жанре сатиры.

Симпатия Санта-Клауса, вышедший из-под карандаша и пера Наста, запоминается сразу и навсегда, с какими бы модификациями ты потом ни столкнулся. Пухленький седобородый жизнерадостный персонаж неоднократно менял свои места пребывания по воле своего создателя. Мы

можем его увидеть в мастерской на Северном полюсе, где он ладит подарки для детей. Бодрячок-старикан появляется в военном лагере северян, где его легко было отличить по неизменному в «военных случаях» наряду — звездно-полосатой куртке и таким же штанам.

На конец жизни художника пришелся пик его карьеры. Президент Теодор Рузвельт назначил Томаса Наста генеральным консулом в Эквадор. К сожалению, там разыгралась эпидемия желтой лихорадки, от которой Наст и скончался в столице страны Гуаякиле 7 декабря 1902 года. Похоронили его в Нью-Йорке.

вскоре посылающий его в Англию на чемпионат боксеров-тяжеловесов. Узнав, что его кумир Джузеппе Гарибальди вернул в Италию и возглавил там борьбу за объединение страны, он из Британии переезжает в район боев гарибальдийцев и ведет там зарисовки сразу для двух журналов — английского и американского.

А вскоре в суровые военные будни его затягивает новая журналистская командировка. Начинается гражданская война Севера с Югом, и Наст своими документальными штриховыми свидетельствами заметно поднимает патриотический дух американцев. Его роль в этом деле отмечает